

Небо внезапно налилось свинцом. Огромные космические корабли, застилая солнце, нескончаемой тучей сошлись над головой, и земля под ногами, казалось, содрогалась от их грозного гула. Роджер и Лэнс бежали прочь, затерявшись в бурлящем людском потоке, напоминавшем тучу саранчи. Жестокие надзиратели, еще вчера державшие всех в страхе, бесследно исчезли. Куда ни глянь — повсюду мелькали лишь испуганные спины. Тысячи босых ног топтали багровую гальку, взметая к небу плотные клубы пыли.

— Да от чего они все бегут?! — крикнул Лэнс.

Его одежда висела лохмотьями, но пальцы, вцепившиеся в предплечье Роджера, держали крепко — армейская закалка и негибкая воля помогали держаться на ногах даже в таком истощении.

— Без понятия... — тяжело дыша, выдавил Роджер.

Растрепанный, грязный — в нем уже невозможно было узнать прежнего элегантного щеголя. Из-за долгих изнурительных месяцев плена его щеки ввалились, а в потухших глазах застыло тупое, граничащее с обмороком изнеможение.

— Ты же у нас эксперт по древним языкам!

— Я эксперт по древним языкам, а не по инопланетной тарабарщине! — огрызнулся Роджер, едва переводя дух. — И куда ты меня тащишь?! Зачем сворачивать в сторону?! Бежать надо со всеми! Если затеряемся в толпе, нас сложнее выследить. А если сунемся туда, где никого нет, нас первыми же и прихлопнут!

— Да что ты в этом смыслишь! В выживании эксперт здесь я! — грубо прикрикнул Лэнс. — Вечно вы, книжные черви, разводите нюни! Послушай ты меня раньше, не валялся бы сейчас полудохлым! У тебя же сил нет даже ноги передвигать!

Роджер из последних сил смерил его яростным взглядом:

— Да потому что ты ненормальный! Жрать чужую блевотину... Меню у него, видите ли! Меня от одной мысли наизнанку выворачивает!

— Не сожрешь — сдохнешь! Зато теперь в самый ответственный момент ты даже бежать сам не можешь! — Несмотря на яростную перепалку, Лэнс ни разу не ослабил хватку, упрямо волоча товарища на себе. — Ты же у нас только и бредил своим Гленном да близнецами, которых он носит! Если сейчас не выложишься на полную, твой ненаглядный быстро станет вдовцом!

— Ни за что! — рывкнул Роджер, и в его полубезумном от усталости взгляде внезапно вспыхнула отчаянная жажда жизни.

Угвазданный в грязи Лэнс осклабился:

— Вот это разговор! Поднажми, Роджер! Ради своей семьи ты доползешь туда, даже если сотрешь ноги по самые колени! Нам нужно добраться до тех дюн!

— Так далеко?! — Роджер вгляделся в сумеречную даль, где едва угадывались пологие песчаные холмы, и его охватило отчаяние.

— Там безопаснее всего! — Лэнс закинул голову, всматриваясь в застилавшие небо армады кораблей. От этой тяжелой, безмолвной черноты у него защемило сердце. — Сдается мне, сейчас тут начнется крошечный ад. Иначе с чего бы местным тварям так паниковать? Ты заметил, что надзирателей след простыл? — Многолетний армейский опыт нашептывал Лэнсу, что добром это не кончится. — Нам нужно убираться как можно дальше от той гигантской машины. Твою мать, да она размером с целый африканский континент!

Возможно, Лэнс и преувеличивал, но у Роджера внутри все сжималось от того же первобытного ужаса. Парящий в вышине материнский корабль «Испания» казался бесконечным. Его обводы терялись за горизонтом, словно сам небесный свод обратился в свинцовую плиту, готовую рухнуть и раздавить планету. В одно мгновение среди бела дня наступили непроглядные сумерки.

«Испания» застыла без движения. Огромная, зловещая, она висела мертвым грузом, напоминая грозовой фронт, в недрах которого то и дело вспыхивали слепящие лазурные разряды. Это гнетущее затишье пугало сильнее любого взрыва: никто не знал, какая кара обрушится на их головы в следующую секунду.

К счастью, Роджер и Лэнс находились у самого края зоны проекции «Испании». Смешавшись с нескончаемым, обезумевшим от страха потоком пленников, они из последних сил уносили ноги прочь. Они бежали по бескрайней багровой пустоши, две крошечные песчинки, постепенно отбивающиеся от общего стада. Сбитые в кровь босые ноги оставляли темные следы на сухом грунте, уводя их все глубже в наползающий мрак.

Голод, истощение и дикий страх наступали Роджеру на пятки. Он бежал вслепую, спотыкаясь о камни, и каждый раз, когда его колени подкашивались и он готов был рухнуть, сильная рука Лэнса рывком возвращала его к жизни.

В моменты, когда тело работает на износ, разница между закаленным солдатом и гражданским становится непреодолимой пропастью. На последнем километре Роджер сломался. Силы окончательно оставили его, и он плашмя рухнул на сухую глину. Ступни превратились в сплошное кровавое месиво — живого места не осталось.

Глаза нестерпимо жгло, безумно хотелось разрыдаться от бессилия, но измученный жаждой организм не мог выжать ни единой слезинки. Какая глупая, бессмысленная гордость! Если бы тогда он пересилил тошноту и, как Лэнс, ел даже то, что другие пленники изрыгали из своих желудков, сейчас у него нашлись бы силы сделать эти несколько сотен шагов. Ведь спасение

было так близко!

Земля заходила ходуном. Вдалеке исполинский корабль исторг глухой, сотрясающий внутренности гул, словно раскат небесного грома. Поднявшийся ураганный ветер швырнул в лицо горсть колючего песка. Там, у самого горизонта, «Испания» окуталась пульсирующими волнами лазурного сияния, расходящимися, точно круги по воде.

— Уходи... — прохрипел Роджер, пытаясь оттолкнуть помогавшую ему руку. — Гленн... позаботься... о них...

— Хрен тебе! — отрезал Лэнс.

Он прекрасно понимал, к чему клонит товарищ. Высший устав миссии SG-I гласил: в критической ситуации выживание носителя информации приоритетно. Ради доставки данных на Землю надлежало жертвовать жизнями коллег без колебаний. Но Лэнс не мог. Бросить друга умирать в этой пустыне было выше его сил.

Лэнс оглянулся на легендарный флагман. Оживающая машина инопланетного корабля превосходила любые безумные фантазии режиссеров земного кино. Ее величие подавляло, заставляя ощутить собственное ничтожество.

— Я тебя не оставляю! — Лэнс рывком взвалил впавшего в беспамятство друга себе на плечи. Стиснув зубы от натуги, пошатываясь под тяжестью чужого тела, он упрямо потащил Роджера в сторону спасительных барханов.

Роджера била крупная дрожь. И дело было не только в раздирающей мышцы боли, но и в щемящей благодарности к Лэнсу. Не будь его, он бы давно спекся и заживо сгнил под этим палящим солнцем.

Сознание Роджера уплывало, мир вокруг двоился и качался... Внезапно с небес хлынули ослепительные снопы света. Роджеру они показались смутно знакомыми, но не успел он толком сообразить, в чем дело, как Лэнс с силой впечатал его в землю и накрыл своим телом. По позвоночнику Лэнса пробежал ледяной озноб — словно ядовитая гадина скользнула по лодыжке. В памяти мгновенно ожил тот кошмарный день в мире Аноид и точно такие же мертвенно-белые столбы пламени, выжигающие все живое.

Над их головами, со стороны еще одного чужеродного дредноута, беззвучно протянулись к земле слепящие световые нити. Они висели неподвижно, но Лэнсу казалось, будто они с Роджером — мелкие букашки под линзой гигантского увеличительного стекла, сквозь которую безжалостный наблюдатель вот-вот пустит смертоносный луч. Воздух вокруг сгустился, невидимая петля страха медленно затягивалась на их шеях.

[Планета Анов. Корабль «Питтсбург» к операции готов. Ожидаем указаний высшей расы Паэтри!]

****[Планета Оредр. Корабль «Донау» к операции готов. Ожидаем указаний высшей расы Паэтри!]****

****[Планета Нордик. Корабль «Кусари» к операции готов. Ожидаем указаний высшей расы Паэтри!]****

Чужие звезды, неведомые цивилизации... Морис стоял у обзорного экрана на мостике крейсера «Кусари», хладнокровно выслушивая доклады, поступающие от боевых кораблей союзных флотов.

Голограмма Тира уже растаяла в воздухе, но его бесстрастный, леденящий душу голос все еще разносился по рубке, транслируемый зашифрованными каналами связи:

— Очищение вот-вот начнется. Сверьте координаты закрепленных за вами секторов... Искорените скверну отщепенцев. Спасите эти заблудшие души, посмевшие осквернить величие богов... Помните: за вашими спинами стоят ваши миры. Ваши народы благоговейно взирают на это великое таинство. Действуйте предельно точно. Никаких упущений — на вас смотрят другие расы.

В ледяном тоне Божественного посланника сквозило абсолютное равнодушие. Морис понял: за экзекуцией на планете Uiws наблюдают сразу несколько цивилизаций. Происходящее походило на чудовищную трансляцию в масштабах Галактики, за которой следили обитатели далеких звездных систем, и раса планеты Нордик была лишь одним из зрителей.

Очищение... Что за дикость?!

Морис мрачно смотрел в пространство. Когда исполинская «Испания» озарилась ослепительной вспышкой высвобождаемой энергии, его сердце тревожно сжалось.

****[Координаты секторов подтверждены!]****

****[Помехоустойчивость проверена!]****

****[Слой очищения Мёбиуса активирован!]****

****[Излучатели дзета-лучей приведены в действие!]****

****[Крейсер «Кусари», раса планеты Нордик: протокол очищения запущен! Отмена невозможна!]****

По приказу капитана Трента молчаливое орудие «Кусари» исторгло лавину плазменных нитей, сошедшихся в плотную, точно соты, световую стену. Морис невольно напрягся. Выжженная

равнина внизу, доселе погребенная во мраке под брюхом небесного левиафана, в долю секунды озарилась мертвенно-белым сиянием, обратившим ночь в день.

Повинуясь воле владык Паэтри, армады чужих кораблей одновременно открыли огонь. Беспощадный шквал световых плетей накрыл планету, сплетаясь в исполинскую сияющую сеть, от которой невозможно было укрыться. Этот безжалостный невод волочился по багровой тверди, и крошечные черные точки — несчастные беглецы — метались внизу, точно потревоженные муравьи, пытаясь спастись от неминуемой гибели.

Морис нахмурился, чувствуя, как к горлу подступает холодный ком. Совсем недавно он сам, точно так же, как эти обреченные отщепенцы, метался по планете Аноид в поисках спасительной лазейки. Он-то надеялся на чудо, не подозревая, что для этих высокомерных существ, равнодушно вззирающих на бойню со своих мостиков, земной отряд исследователей SG-I — не более чем горсть навозных жуков, которых можно раздавить мимоходом.

Он искоса взглянул на стоявших рядом офицеров. В их глазах не было и капли сострадания. Лишь сытое, ленивое безразличие охотников, пришедших пострелять по мишеням в закрытом вольере.

— Божественный посланник, — Трент едва заметно усмехнулся, — совсем скоро мы узрим величайшее чудо этой планеты. Перед нами распустится Асце — истинный король цветов, прекраснейшее и самое порочное растение во всей Вселенной.

— Асце? — Морис вспомнил, как граф Сивис рассказывал об этом дивном растении. Этот дикий, колдовской цветок считался жемчужиной мира Идо, но все попытки пересадить его на другие планеты неизменно проваливались — капризные семена приживались только здесь, среди безжизненных песков Uiwc.

Однако сейчас под ними лежала лишь безжизненная, раскаленная пустыня. Ни единого ростка, ни намека на зелень... Где же скрывался хваленый цветок?

Морис вновь перевел взгляд на экран внешнего обзора. Там разверзался ад. Мириады световых лучей прошивали сумерки, точно ветвистые молнии в эпицентре бури. Мир судорожно пульсировал, то погружаясь во тьму, то вспыхивая ослепительным пламенем. Багровая земля стремительно пустела. Скопления живых существ таяли на глазах, стираемые пронзающими атмосферу лучами смерти.

Сектор, за который отвечала исполинская «Испания», превратился в пылающее жерло. В отличие от «Кусари», выжигавшей землю точечными лучами и оставлявшей призрачный шанс проскочить между ними, этот флагман не знал пощады. Он выпускал сплошную, расходящуюся во все стороны стену плазмы, которая неостановимым катком ровняла барханы и выжигала скалы. Волна за волной, сектор за сектором — мертвая лазурь поглощала все на своем пути. Беглецы, настигнутые этим сиянием, испарялись мгновенно, не успев даже закричать.

«Испания» управилась первой. Крейсеру «Кусари» потребовалось больше времени; лишь когда

последний квадрат был зачищен, капитан Трент отдал приказ прекратить огонь и отправил отчет командованию Паэтри.

Планета Uіws вновь погрузилась во мрак. Жизнь здесь угасла. Под брюхом кораблей расстиралась лишь обугленная, испещренная багровыми трещинами мертвая пустошь.

Пока Трент зачитывал рапорты, Морис перевел взгляд на вспомогательный терминал, выводивший данные со слоя очищения Мёбиуса. На мерцающих экранах медленно сменяли друг друга кадры из герметичных стальных отсеков. Там, точно скот в загонх, теснились выжившие пленные — те самые отщепенцы, которых плазменные лучи не испепелили, а втянули на борт. Изнуренные голодом, с ввалившимися щеками и покрытые шрамами... Однако даже после долгих пыток во взглядах многих из них читался яростный, непокорный вызов.

Мятежники, отринувшие власть Великой Руны и посмевавшие бросить вызов устоям этого мира...

Морис заставил себя сохранить бесстрастное выражение лица, хотя внутри у него все клокотало. Эти жуткие кадры будили в нем невольный страх за судьбу Земли. Что, если Великая Руна прознает о существовании человечества? Наш удел окажется куда страшнее участи этих пленников. Ведь люди — прямые наследники цивилизации Альтеран, само упоминание о которой эти хозяева вселенной пытаются вытравить из истории!

— Господин Асир?.. — Хань Цзин нарушил субординацию. Он подошел вплотную к пульта и уставился на экран. Его обычно ровный голос сорвался.

Морис очнулся от тяжелых мыслей и встретился взглядом с Хань Цзином. В темных глазах генерал-майора металась отчаянная мольба. Проследив за его жестом, Морис посмотрел на бегущую ленту мониторинга. Он вскинул брови, а в глубине его сапфировых глаз отразился подлинный шок.

На одном из экранов мелькнули Роджер и Лэнс. Их держали именно здесь, на борту «Кусари»!

Как бы ни бушевала буря в груди Мориса, терминал бесстрастно прокручивал кадры дальше, унося прочь измученные, осунувшиеся лица товарищей.

Хань Цзин поднял голову и в упор посмотрел на адмирала. В его облике сквозила нестигаемая решимость.

"Морис! Что нам делать?!"

Морис ответил ему коротким, твердым взглядом, давая понять, что принял информацию. Спустя мгновение он повернулся к капитану Тренту:

— Капитан Трент, какова дальнейшая судьба пленных, находящихся на слое Мёбиуса?

— Разумеется, они будут очищены, глубокоуважаемый Божественный посланник, — удивленно отозвался офицер, но тут же вспомнил, что Асир перенес тяжелую амнезию, и поспешил объяснить: — Процедура дзета-излучения завершена. Теперь, под руководством господ Паэтри, мы приступим к непосредственному освобождению их заблудших душ.

— И как именно проходит этот ритуал? — Морис лениво коснулся сенсорной панели управления, делая вид, что просто балуется с настройками, а сам в этот момент лихорадочно выискивал на схеме корабля координаты слоя Мёбиуса.

— Взгляните сами, господин... — Трент указал на главный экран. Над выжженной равниной вновь пришла в движение грозная «Испания». Из ее центрального орудия ударил слепящий багрово-алый луч, упершийся в растрескавшуюся породу. — Это семена Асце. Лорды Паэтри проводят демонстрацию. Бутоны Асце способны прорасти лишь на руде Матан — том самом темно-синем минерале, из которого возводят Радужные врата. Но Асце — цветок очищения. Чтобы он распустился во всем своем великолепном убранстве, почву необходимо щедро окропить кровью и плотью грешников. Лишь тогда их души обретут истинный покой.

Трент вещал с изысканной, светской полуулыбкой, но от его вкрадчивого голоса у Мориса по спине пробежал мороз.

— То есть... вы собираетесь скормить пленных этим растениям? Использовать их как удобрение?! — Как Морис ни пытался сдержать эмоции, его голос предательски дрогнул.

— Совершенно верно, господин. Нам выпала великая честь участвовать в этом, — Трент удовлетворенно усмехнулся, глядя на экран, где из сопла материнского корабля хлынула густая, бурая взвесь, щедро орошая багряную глину. — Придется немного подождать, пока семена дадут первые побеги. К сожалению, если под грунтом не окажется залежей руды Матан, лордам Паэтри придется повторить попытку в другом месте. Тектонические плиты планеты чрезвычайно нестабильны, залежи Матана постоянно смещаются. Божественный посланник Фрейр как-то обмолвился, что запасы руды здесь на исходе. Боюсь, нам придется извести немало этого «материала», прежде чем мы нащупаем жилу. Вряд ли хоть кто-то из пленных доживет до конца испытаний.

Морис судорожно сглотнул, борясь с подступившей к горлу тошнотой. При виде кошмарного месива, транслируемого на огромном экране крупным планом, его едва не вывернуло наизнанку.

— Господин Асир? — Трент заметил, как побледнел гость.

— Продолжайте операцию, капитан, — ледяным тоном оборвал его Морис, напуская на себя вид высшего существа, раздосадованного скучным зрелищем. — Генерал Хань Цзин, за мной.

— Слушаюсь, господин, — Хань Цзин поклонился, стараясь скрыть обуревавший его гнев.

Трент почтительно склонился, провожая взглядом высокопоставленных гостей, исчезнувших за сияющими лазурным пламенем упрощенными Радужными вратами. Капитан не мог избавиться от ощущения, что новый Божественный посланник ведет себя крайне странно. Неужели этот Асир... сострадает низшим тварям? Прежний Фрейр выжигал целые континенты, даже не моргнув.

Вспомнив о секретных инструкциях Фрейра, Трент сощурил свои странные глаза с двойными зрачками и приказал связаться с лордами Паэтри.

— Это безумие, Хань Цзин, — негромко произнес Морис. Они стремительно шли по бесконечным стальным коридорам «Кусари», проходя через упрощенные Радужные врата, один за другим. Полы его длинного мундира развевались от быстрого шага. — Если мы срежемся, то останемся в этих песках навсегда. Все четверо — мы, Роджер и Лэнс. Но время не ждет. Какая бы опасность нам ни грозила... я не настолько бездушен, чтобы бросить своих людей на убой. Надеюсь, русалка Симо согласится помочь.

Морис лихорадочно просчитывал варианты. Он не стал спорить с упрямым генерал-майором. Принцип «своих не бросаем» был вбит в его подсознание с первых дней службы. Даже в кошмаре Харона он зубами вырывал каждого солдата у смерти.

Конечно, судьба Земли висела на волоске, и долг перед человечеством требовал мыслить масштабно, жертвовать малым ради великого... Но когда старые друзья оказались за стеной, в нескольких сотнях метров от него, Морис не колебался ни секунды. Он не раз заглядывал в лицо смерти. Оставалось лишь уповать на то, что удача не изменит ему и на сей раз.

Морис нахмурился, раздираемый внутренними противоречиями. Он шел, неосознанно прижимая ладонь к округлившемуся животу. При мысли о бьющихся внутри него крошечных жизнях его суровое, закаленное в боях сердце сжалось от щемящей нежности и страха.

Погруженный в свои заботы, Морис толкнул дверь каюты.

Симо полулежал на кровати, небрежно подогнув под себя длинные стройные ноги. Его серебристый рыбий хвост исчез. Длинные, как вороново крыло, волосы волнами струились по шелковым простыням. Из-под распахнувшегося подола тонкого халата кокетливо белело бедро. Хань Цзин замер на пороге, застигнутый врасплох этой неземной, гипнотизирующей красотой. На мгновение все его страхи и тревоги словно растворились в вязком тумане.

Симо медленно повернул голову и ослепительно улыбнулся пухлыми, нежными губами. В его загадочных фиолетовых глазах, мерцающих, точно затянутое дымкой осеннее озеро, таилась такая бездонная глубина, что у любого смертного перехватило бы дыхание.